

УДК 343.121
ББК 67.410.201

А. В. Павлов

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Автор обосновывает вывод об изменении роли подозреваемого в уголовном судопроизводстве на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Развитие правового положения подозреваемого, с нашей точки зрения, обусловлено реализацией элементов принципа состязательности в досудебном производстве благодаря увеличению возможности активного участия стороны защиты в процессе доказывания. Подозрение в современных условиях, по мнению автора, является обязательным этапом уголовного преследования, а подозреваемый — непременным участником уголовно-процессуальных отношений.

Обращено внимание на существующую с момента действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР неопределенность правового статуса задержанного, а также лица, в отношении которого применена мера пресечения до предъявления обвинения, после отмены указанных мер процессуального принуждения. На основе выявленных тенденций аргументируется вывод о том, что после прекращения действия меры процессуального принуждения, если оно не связано с неподтверждением подозрения, процессуальный статус подозреваемого сохраняется до формулирования обвинения или прекращения уголовного преследования.

Ключевые слова: правовой статус, подозреваемый, задержание подозреваемого, отмена меры пресечения, прекращение уголовного преследования.

A. V. Pavlov

THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL STATUS OF SUSPECT IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

The author concludes about the changing role of the suspect in criminal proceedings on the basis of legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation. The development of the legal status of the suspect is due to the implementation of elements of the adversarial principle, expanding the opportunities for active participation by the defense in the process of proving in pre-trial proceedings. Suspicion in the present conditions, according to the author, is a compulsory stage of criminal prosecution the suspect is a permanent, a participant of criminal-procedural relations, a suspect is a permanent participant of criminal-procedural relations.

Attention is drawn to the existing from the moment adoption of the Criminal procedure code of the RSFSR, the uncertainty of the legal status of the detainee, as well as persons against whom a measure of restriction was selected, after the abolition of these measure of procedural compulsion. Based on the identified trends, the author argues that after termination of the of restriction the procedural status of the suspect is maintained to the formulation of prosecution or termination of criminal prosecution, if it is not related to disconfirmation of the suspicion.

Key words: legal status of the suspect, detention of a suspect, the vacating measure of restraint, the termination of criminal prosecution.

В период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее — УПК РСФСР) подозреваемый позиционировался как краткосрочная процессуальная фигура, его появление было обусловлено наличием достаточных данных, указывающих на причастность лица к совершению преступления, но не достаточных для предъявления обвинения и наличием оснований для применения мер

процессуального принуждения (задержание, меры пресечения). Подозреваемый являлся необязательным участником уголовного судопроизводства, он фигурировал лишь в тех случаях, когда кроме сведений о его причастности к совершенному преступлению имелись сведения о возможном его ненадлежащем поведении.

Общую программу уголовного преследования на досудебном производстве можно было представить

следующим образом: следователь, не включая в уголовно-процессуальные отношения преследуемое лицо, формировал доказательственную базу, достаточную для формулирования обвинения, и затем решал вопрос о предъявлении обвинения. Только в исключительных случаях, вызванных необходимостью пресечения неправомерного поведения заподозренного лица, решался вопрос о постановке его в статус подозреваемого. Как видим, введение данного участника было обусловлено интересами, прежде всего, органов предварительного расследования, а интересы преследуемого лица имели производный характер. Здесь уместно сделать предварительный вывод, в соответствии с которым постановка в статус подозреваемого в период действия УПК РСФСР была обусловлена не стремлением обеспечить преследуемому лицу право на защиту и не реализацией принципа состязательности. Предполагалось, что органы предварительного расследования, исследуя всесторонне и полно обстоятельства преступления, в достаточной степени учитывают как интересы стороны обвинения, так и защиты. Соответственно до формирования достаточной совокупности доказательств о виновности лица отсутствовала необходимость его включения в уголовно-процессуальные отношения.

С развитием принципа состязательности более остро встал вопрос о моменте возникновения статуса подозреваемого, его вступлении в процесс доказывания. Ключевая роль в формировании правового положения преследуемого лица отводится Конституционному Суду Российской Федерации. Орган Конституционного контроля указал, что в целях реализации конституционного права на помощь адвоката (защитника) необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него [1].

Следует обратить внимание на то, что в данном решении Конституционного Суда Российской Федерации наделение фактически преследуемого лица соответствующим статусом обусловлено

прежде всего защитой его интересов и направлено на обеспечение его активного участия в уголовно-процессуальных отношениях. В полной мере эта правовая позиция была реализована в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) только спустя 13 лет. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ [2]. В части 1.1 указанной статьи лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав, в том числе права пользоваться услугами адвоката [3].

Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении пошел еще дальше. Так, для целей Закона о компенсации под началом уголовного преследования понимается принятие в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в ч. 1 ст. 46 или ч. 1 ст. 47 УПК РФ, в соответствии с которыми оно признается подозреваемым либо обвиняемым, или момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым [4].

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации заставила задуматься о возможном изменении роли подозреваемого в уголовном судопроизводстве. Является ли он по-прежнему необязательным и краткосрочным участником уголовного судопроизводства? Закономерно возникает и другой вопрос: обязан ли следователь информировать лицо о начале в отношении него обвинительной деятельности или он вправе его держать в неведении вплоть до объявления о дне предъявления обвинения (за исключением случаев применения мер процессуального принуждения)?

Утвердительные ответы на данные вопросы вызывают, по крайней мере, некоторые сомнения. Так, трудно себе представить, что следователь в одночасье сформирует достаточные доказательства для предъявления обвинения: безусловно, будет этап, на котором он будет обладать лишь сведениями, достаточными для подозрения.

При разрешении данной дилеммы на чаше весов оказываются два подхода к формированию комплекса процессуальных гарантий, которыми

наделяются преследуемые лица, сформированные и реализующиеся в разных правовых системах. Для состязательного процесса (англосаксонская модель) характерно то, что каждая сторона самостоятельно на условиях формального равенства собирает необходимые для отстаивания ее позиции доказательства. Современному смешанному процессу (континентальная модель) присуще несостязательное предварительное расследование, в котором сторона защиты не может собирать доказательства [5]. Англосаксонская модель предоставляет право активного участия стороны защиты, континентальная модель возлагает большую роль на органы предварительного расследования. Введение в российский уголовный процесс элементов англосаксонской правовой системы отразилось и на досудебном производстве в виде увеличения правовых возможностей стороны защиты*.

Следует выяснить, какой подход в большей степени соответствует назначению отечественного уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Первый предполагает своевременное уведомление лица о подозрении в совершении преступлении и наделение его правом защищаться от уголовного преследования, а также предоставление следователю права ознакомиться с позицией преследуемого лица относительно инкриминируемого ему деяния. Разумеется, в этом случае не создаются условия для обеспечения полного равенства сторон в процессе доказывания, тем не менее предоставляются необходимые гарантии для отстаивания своей позиции.

Второй подход предполагает, что следователь осуществляет обвинительную деятельность, не вовлекая лицо в уголовно-процессуальные отношения до момента получения достаточных доказательств его виновности. Этот вариант также имеет положительные моменты. В частности, в этом случае исключается преждевременное вовлечение лица по подозрению в уголовный процесс, что позволяет существенно ограничить случаи последующего признания права на реабилитацию. Как видим, с вопросом о начале уголовного преследования тесно переплетается вопрос о реабилитации. В условиях, когда изменяется отношение к моменту начала уголовного преследования, его обусловленности интересами изобличаемого лица, уместно ставить вопрос о пересмотре отношения и к основаниям возникновения права лица на реабилитацию. Этот аспект сферы уголовно-процессуальных отношений представляет особый интерес, тем не менее он

находится за пределами предмета данного исследования.

Представляется более предпочтительным первый вариант, он в большей мере позволяет учесть интересы как органов предварительного расследования, так и стороны защиты. Такой вывод подтверждается практикой: при опросах многие следователи указали, что они применяют меру пресечения не столько по причине возможного неправомерного поведения лица, а сколько по необходимости постановки его в статус подозреваемого. Это свидетельствует о том, что на досудебном производстве востребовано участие преследуемого лица на самых ранних этапах проверки подозрения. Вовлечение подозреваемого в уголовно-процессуальные отношения в большинстве случаев не обусловлено основаниями избрания мер процессуального принуждения.

В обоснование высказанного подхода уместно рассмотреть и некоторые особенности постановки в статус преследуемого лица в ходе дознания. Несмотря на специфику данной формы расследования, нужно поставить вопрос о правомерности составления обвинительного акта, предварительно не уведомляя лицо о подозрении в совершении преступления. Системное толкование ст. 223.1 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что принятие данного решения при наличии достаточных данных не связано с усмотрением дознавателя и является его обязанностью. Это свидетельствует о том, что законодатель предполагает, что этапу уголовного преследования по обвинению в обязательном случае предшествует этап уголовного преследования по подозрению. Этот подход в большей мере позволяет создать условия для полного, всестороннего и эффективного расследования и своевременного обеспечения права преследуемому лицу на защиту.

Проблема определения момента начала уголовного преследования разрешается в контексте реализации элементов принципа состязательности на досудебном производстве посредством расширения возможности активного участия стороны защиты в процессе доказывания. Указанная тенденция имеет непосредственное влияние на определение момента прекращения уголовного преследования и соответствующего статуса лица, в отношении которого оно осуществлялось.

При возбуждении уголовного дела в отношении лица и уведомлении о подозрении в совершении преступления особых трудностей с определением момента прекращения статуса подозреваемого не возникает. Сохраняется неопределенность при установлении правового положения задержанного

в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ, а также лица, в отношении которого применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ, после отмены указанных мер процессуального принуждения. Данный вопрос неоднозначно решается как в теории уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. Неопределенность с моментом прекращения статуса подозреваемого и, соответственно, уголовного преследования по подозрению существовала и в период действия УПК РСФСР. Подходы ученых по данному вопросу диаметрально противоположные.

М. С. Строгович считал, что лицо может фигурировать в процессе в качестве подозреваемого только в течение сроков действия в отношении его задержания и меры пресечения [6, с. 33, 34].

С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко, считая данный подход грамматическим толкованием определения подозреваемого, полагали, что эти сроки касаются действия мер процессуального принуждения, но не сроками существования подозреваемого [7, с. 39].

А. А. Чувилев, указывая на то, что ограничить время проверки подозрения заранее обусловленным сроком практически невозможно [8, с. 74].

Учитывая, что и в действующем УПК РФ отсутствует правовой механизм выведения подозреваемого из сферы уголовно-процессуальной деятельности, данная дискуссия сохранила свою актуальность.

По мнению Е. В. Сопневой, при непредъявлении обвинения и отмене меры пресечения подозрение, а равно подозреваемое лицо перестают существовать процессуально при их фактическом наличии. При такой ситуации отсутствует законодательно установленный способ сохранения процессуального положения подозрения и подозреваемого [9, с. 105—113].

С точки зрения О. А. Зайцева, П. А. Смирнова, противостояние между процессуалистами, которые считают, что сроки задержания и применения мер пресечения — сроки, в течение которых лицо может находиться в положении подозреваемого, и теми, которые считают, что эти сроки касаются только действия в отношении него мер процессуального принуждения, разрешается в пользу последних [10, с. 80].

В силу правовой неопределенности статуса подозреваемого после отмены меры процессуального принуждения в правоприменительной практике не выработан единый подход к форме участия указанного лица в ходе дальнейшего производства по уголовному

делу. В одном случае по истечении указанного в законе времени мера пресечения отменяется, а затем вновь применяется; в другом мера пресечения отменяется, и процессуальный статус теряет юридическую силу; и согласно третьего варианта, мера пресечения отменяется, лицу сохраняются права подозреваемого, но он не вовлекается в данный статус в уголовно-процессуальные отношения.

По истечении срока действия меры процессуального принуждения возможно, что объем сведений, указывающих на подозрение, может измениться, и здесь не исключено развитие трех ситуаций. При возникновении первой ситуации происходит увеличение сведений о причастности лица к совершению преступления, тогда решается вопрос о формулировании обвинительного тезиса. Вторая ситуация, когда подозрение не нашло подтверждения или было опровергнуто новыми сведениями. В этом случае решается вопрос о прекращении в отношении данного лица уголовного преследования и признании права на реабилитацию.

Наибольший интерес вызывает третья ситуация, так как именно в этом варианте возникает неопределенность в правовом статусе фактически преследуемого лица. Речь идет о случаях, когда объем сведений не достаточен для обвинения, но, тем не менее, информация о причастности сохраняется и требуется дальнейшее уголовное преследование данного лица.

Не убедительна рекомендация М. Н. Клепова, согласно которой следователь по истечении срока задержания подозреваемого, применения меры пресечения до предъявления обвинения в порядке ст. 100 УПК РФ, при отсутствии оснований для вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого выносит в отношении данного лица постановление о прекращении уголовного преследования за его непричастностью к совершению преступления [11, с. 170, 171]. В этом предложении происходит смешение оснований уголовного преследования по подозрению и обвинению. В отсутствие достаточных доказательств о виновности лица уголовное преследование осуществляется в режиме подозрения.

Как и в вопросе о моменте начала уголовного преследования, так и его окончании определяющей является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Применительно к задержанию подозреваемого Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на необходимость дифференциации оснований для освобождения подозреваемого из-под стражи. Само

по себе такое освобождение *не во всех случаях* (выделено автором — А. П.) означает прекращение процессуального статуса лица в качестве подозреваемого, снятие с него подозрения в преступлении, а равно прекращение его уголовного преследования. Непричастность подозреваемого к совершению преступления свидетельствует либо об отсутствии доказательств (достаточных данных), позволяющих продолжить уголовное преследование конкретного лица (неустановленная причастность), либо об установленной его непричастности к совершению преступления (п. 20 ст. 5 УПК РФ), что является одним из оснований для прекращения уголовного преследования (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Постановлением об освобождении задержанного подозреваемого со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ подтверждается отсутствие достаточных данных даже для выдвижения такого подозрения, что служит поводом и для разрешения вопроса о прекращении (невозможности продолжения) уголовного преследования лица, освобожденного из-под стражи. Иное влекло бы необоснованное продолжение обвинительной деятельности в отношении этого лица, чья непричастность к преступлению фактически констатируется вынесенным постановлением, и ограничение принадлежащих ему прав [12]. Данные выводы Конституционного Суда Российской Федерации позволяют сформировать подход относительно правового положения лица после отмены меры процессуального принуждения. В тех случаях, когда прекращение действия меры процессуального принуждения не связано с неподтверждением подозрения, процессуальный статус подозреваемого сохраняется до формулирования обвинения или прекращения уголовного преследования.

Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает акт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица в качестве начала публичного уголовного преследования от имени государства, при котором создаются правовые условия для последующей процессуальной деятельности, в ходе которой специальные органы и должностные лица обязаны осуществлять деятельность по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию для того, чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу и тем самым осуществляющий правосудие [13]. Представляется, что и остальные решения, предусмотренные в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, правомерно рассматривать в качестве начала публичного уголовного преследования от имени

государства. Соответственно, до прекращения уголовного преследования следователь не только вправе, но и обязан изобличать виновных лиц.

До принятия данных решений лицо обладает комплексом прав подозреваемого, следователь (дознатель) вправе привлекать его к расследованию, т. е. к участию в производстве следственных действий (допрос, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и др.). Не исключается и принятие процессуальных решений, связанных с участием подозреваемого в производстве по уголовному делу, к примеру, о приостановлении предварительного расследования по основаниям, предусмотренным п. 2—4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Однако исключается как повторное задержание, так и применение меры пресечения по тем же основаниям, но не исключается получение от него обязательства о явке.

При постановке лица в статус подозреваемого посредством применения мер процессуального принуждения в одном процессуальном документе (протокол задержания подозреваемого; постановление о мере пресечения) принимаются два процессуальных решения: 1) о постановке в статус подозреваемого; 2) о применении меры процессуального принуждения. После прекращения срока действия меры процессуального принуждения второе решение (о постановке в статус подозреваемого) не аннулируется и сохраняет юридическую силу.

Изложенные аргументы позволяют сделать вывод не только о том, что подозрение в современных условиях является обязательным этапом уголовного преследования, но и признать неременным участником уголовно-процессуальных отношений подозреваемого. Для действующего УПК РФ правильнее будет закрепить тезис не о том, что лицо может быть признано подозреваемым только в исключительных случаях, а о том, что без предварительной постановки в статус подозреваемого переход в статус обвиняемого допускается только в исключительных случаях (например, неустановление местонахождения преследуемого лица).

* На стадии возбуждения уголовного дела преследуемое лицо получило комплекс процессуальных прав (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ); ограничены основания отказа участия защитника в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого (обвиняемого) (ч. 2.1 ст. 159 УПК РФ); заинтересованным участникам не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами (ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ) и др.

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 № 11-П // Рос. газ. 2000. 4 июля.

2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30 декабря 2015 № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 № 11 // Рос. газ. 2016. 6 апреля.

5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Строгович М. С. О подозреваемом // Социалистическая законность. 1961. № 2. С. 33—34.

7. Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969.

8. Чувилев А. А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу: учеб. пособие. М., 1982.

9. Сопнева Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 105—113.

10. Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005.

11. Клепов М. Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном

1. Of case about check of constitutionality of provisions of part one of article 47 and article 51 of the Criminal procedure code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov: the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from June 27, 2000. No 11-P // Rossiyskaya gazeta. 2000. 4 of July.

2. On amending articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation: Federal law of 4 March 2013 No 23-FZ. Access of legal reference system "ConsultantPlus".

3. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation in terms of clarifying the powers of the chief of the inquiry body and the investigator: Federal law from December 30, 2015. No 440-FZ. Access of legal reference system "ConsultantPlus".

4. About some questions arising by consideration of cases on awarding compensation for violation of the right to legal proceedings in reasonable term or the rights to execution of the judicial certificate in reasonable term: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from March 29, 2016 No 11 // Rossiyskaya gazeta. 2016. 6 of April.

5. The course of the criminal process / edited by L. V. Golovko. M., 2016. Access of legal reference system "ConsultantPlus".

6. Strogovich M. S. A suspect // Socialisticheskaya zakonnost. 1961. No 2. Pp. 33—34.

7. Bebesheko S. P., Matvienko E. A. A Suspect in the Soviet criminal process. Minsk, 1969.

8. Chuvilev A. A. Involvement by the investigator and the inquiry body of a person as a suspect in a criminal case: a tutorial. M., 1982.

9. Apnea E. V. Status of suspicion and accusation in criminal proceedings // Journal of Russian law. 2015. No 7. Pp. 105—113.

10. Zaitsev O. A., Smirnov P. A. A suspect in the criminal process. M., 2005.

11. Klepov M. N. Theory and practice of formation of the procedural status of the suspect in the Russian criminal procedure: dis. cand. ... of law sciences. M., 2002.

12. Of case about check of constitutionality of provisions of articles 38 and 125 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in

судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

12. По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2017 № 30-П // Рос. газ. 2017. 1 декабря.

13. По запросу Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 9 части первой, частей второй и третьей статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 № 392-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

connection with the complaint of citizen V. V. Chensky: the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 21, 2017 № 30-P // Rossiyskaya gazeta. 2017. 1 of December

13. At the request of the Supreme Court of the Republic of Karelia about the verification of constitutionality of paragraph 9 of part one, parts two and three of article 448 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 December 2004 No. 392-O. Access of legal reference system "ConsultantPlus".

© Pavlov A. V., 2018

© Павлов А. В., 2018